

Признаюсь честно, уважаемый читатель, уже неоднократно зарекался смотреть исторические фильмы современного отечественного кинематографа. Их авторы, если не опускаются до откровенного глумления над прошлым своего Отечества, то позволяют себе предельно вольную трактовку событий. Решительно отвергая принцип историзма, они к оценке дел минувших подходят с позиций собственных политических взглядов и нравственных ориентиров, а потому оказываются не в состоянии даже в минимальном градусе передать дух времени, его колорит.

Представители современного российского кинематографа, видимо, причисляя себя к энциклопедистам наших дней, гнушаются приглашением консультантов, а потому любая историческая лента изобилует громадным количеством событийных и технических ошибок.

По этим причинам для меня просмотр современных фильмов, повествующих как о делах давно минувших, так и не слишком отдаленных от нас по времени, почти неизменно превращается в мучительное ожидание финальных титров. Подозреваю, что большинство создателей таких лент сами осознают, что «ваяют халтуру», но желание, эксплуатируя славные дела и подвиги предков, монетизировать интерес современников к прошлому страны побеждает все другие соображения, в том числе художественную и моральную ответственность автора за созданное произведение. Как говорится, «культуру – в массы, деньги – в кассы».

Зарекаюсь не смотреть, но всякий раз отправляюсь на премьерные показы российского исторического кино, особенно если оно адресуется к событиям Великой Отечественной войны. Но больше, чем надежда на то, что наш кинематограф создал нечто достойное, мной движет исследовательский интерес к очередным сценарно-режиссерским нелепостям и несуразностям.

Отправляясь на фильм Константина Буслова «1941. Крылья над Берлином», я, памятуя о предыдущей ленте режиссера «Калашников», ничуть не сомневался, что иду на встречу с очередным псевдоисторическим лубком. Увы, не ошибся.

В социальные сети в основном прорвались позитивные отзывы о фильме. Суть их чаще всего сводится к благодарностям создателям ленты за рассказ о неизвестных страницах

противостояния СССР и фашистской Германии. У авторов таких отзывов позволительно спросить: а что они вообще знают о событиях Великой Отечественной войны, если мимо их внимания прошли широко пропагандируемые еще со времен Иосифа Сталина бомбардировки советской авиацией Берлина в августе – сентябре 1941 года, о которых рассказывает фильм?

Идея полетов на столицу Германии родилась у командующего авиацией Военно-Морского флота СССР генерал-лейтенанта Семена Жаворонкова после первой бомбардировки немецкой авиацией Москвы. Она состоялась в ночь с 21 на 22 июля 1941 года. О своих соображениях генерал Жаворонков доложил наркому ВМФ Советского Союза адмиралу Николаю Кузнецову. В мемуарах он так рассказывал о последующих событиях:

«В начале августа возник вопрос: а нельзя ли ответить на налеты фашистской авиации нашим налетом на Берлин? Посчитав возможности, убедились, что на пределе физических сил и материальных ресурсов наши самолеты могли бы долететь до Берлина и вернуться на один из аэродромов Моонзундского архипелага. Операция ответственная и рискованная. Было доложено Сталину, и он, рассмотрев все расчеты, разрешил провести эту операцию».

27 июля Ставка издает приказ о подготовке воздушных налетов на Берлин. Согласно ему с аэродрома Беззаботное под Ленинградом из состава 1-го минно-торпедного авиационного полка Балтийского флота на остров Эзель в Моонзундском архипелаге, где находился аэродром Кагул, перебрасывались 15 дальних бомбардировщиков ДБ-3ф (Ил-4) с большим моторесурсом и пилотируемых наиболее подготовленными экипажами. Приказ также устанавливал порядок и объем материально-технического обеспечения предстоящей операции.

Первые три машины приземлились на острове Эзель 3 августа, затем перебазировались еще 12 ДБ-3ф. На объекты в Германии поздним вечером 7 августа вылетели 13 бомбардировщиков. Две машины из-за поломок, полученных в ходе неудачных тренировочных полетов, подняться в воздух не смогли. В бомбардировке Берлина принимала участие группа из пяти ДБ-3ф, действиями которой руководил командир полка полковник Евгений Преображенский. На столицу Германии бомбардировщики безошибочно вывел флаг-штурман капитан Петр Хохлов. Две другие эскадрильи бомбили окрестности Берлина и немецкий порт на Балтийском море Штеттин. С аэродрома Кагул действиями подчиненных руководил генерал Семен Жаворонков.

Этим событиям и посвящен фильм Константина Буслова. В число критических замечаний, адресованных ленте, некоторые рецензенты внесли упреки сценаристу и режиссеру за то, что они в три-четыре кинематографических дня, предшествующих первому налету на Берлин, включили события, сопровождавшие подготовку ко второй и последующим бомбардировкам германской столицы. В частности, речь идет о прибытии на Эзель хорошо знавшего возможности машины старшего летчика-испытателя ОКБ Ильюшина Владимира Коккинаки, который дал рекомендации по увеличению бомбовой нагрузки для ДБ-Зф.

Мне же кажется, что сценарист и режиссер, поскольку речь идет о художественном фильме, имели право на такую интерпретацию событий.

Прозрачны для меня и причины, по которым авторы ленты наряду с историческими фигурами в канву реальных событий ввели вымышленные персонажи, заменяя ими, к примеру, настоящих командиров эскадрилий Василия Гречишникова, Андрея Ефремова, Михаила Плотникова, принимавших участие в налетах на Германию. (В чем также некоторые из рецензентов упрекают режиссера и сценариста.)

Потребность такой замены очевидна. С реальными персонажами трудно отважиться на лирическо-интимные вольности, в которые Константин Буслов погружает своих героев в несколько суток подготовки к полету на Берлин.

Незавершенность многосюжетных ответвлений фильма от основного повествования наводит на мысль, что зрителя ожидает мыльно-сериальный вариант «Крыльев». И в нём основные недостатки ленты станут еще более очевидными.

Во-первых, авторам фильма не удалось, а возможно, они и не ставили цели показать дух времени, к которому корреспондируются. В ленте никак не фиксируется трагизм ситуации, в которой живут и готовятся к выполнению приказа Ставки морские летчики. И речь идет не только о миссии, возложенной на экипажи минно-торпедного авиационного полка. Хотя пилоты отчетливо понимали, что многие из них получили, как принято говорить сегодня, билет в один конец.

Им предстояло выполнить боевую задачу на предельных для технических характеристик ДБ-3ф дальности и высоте, пройти через несколько линий мощной противовоздушной обороны противника, оборудованных станциями РЛС.

Первый полет на территорию Германии сложился для нас удачно. Немцы не могли представить, что Советский Союз, который, по их мнению, доживал последние дни, мог организовать налет на немецкие города, а тем более – на Берлин. Герман Геринг успел к тому времени заявить, что военно-воздушные силы СССР уничтожены и никогда больше не возродятся.

ПВО противника обнаружила на подлете к Берлину наши самолеты, и даже после того, как они не отреагировали на запрос «свой – чужой», посчитала ДБ-3ф всё же заблудившимися немецкими бомбардировщиками и порекомендовала им посадку на ближайшем аэродроме.

Последующие полеты на Германию обернулись для нас серьезными потерями. В августе – сентябре советские авиаторы совершили на Берлин 33 самолета-вылета, сбросив 36 тонн фугасных и зажигательных бомб, а также десятки тысяч листовок. ВВС армии и флота в этих операциях потеряли 18 бомбардировщиков трех модификаций – ТБ-7, Ер-2 и ДБ-3ф, погибли восемь полных экипажей. Берлин продолжали бомбить до 5 сентября, но после эвакуации наших войск с Моонзундского архипелага дальнейшие полеты на столицу Германии признали нецелесообразными.

Нужно учитывать и само время, когда готовилась бомбардировка Берлина. Красная Армия, неся огромные потери, отступала на всех фронтах. Гитлеровцы рвались к Ленинграду, где жили семьи летчиков, перебазируемых на Эзель. В политдонесениях всех частей и соединений, в справках особых отделов того периода сообщается о тяжелом моральном состоянии бойцов и командиров, непонимании ими причин катастрофических поражений Красной Армии. В документах фиксируются серьезная тревога у всех категорий военнослужащих, их опасения, что страна не сможет устоять в войне с фашистами и их союзниками. Такие переживания в сотнях случаев приводили к суицидам и на фронте, и в тылу...

В фильме от тревожного напряжения событий нет и следа. Создается впечатление, что летчики готовятся не к боевой операции, а к туристическому облету Берлина на высоте 7 тысяч метров. Их в большей степени, чем выполнение боевой задачи, волнуют

прелести эстонских красавиц.

Прилетевших на Эзель представителя НКГБ Вересова, испытателя Коккинаки готовность экипажей и машин к реализации приказа Ставки начитает интересоваться после того, как они получают ответ на вопрос, как далеко аэродром находится от моря. В нём обоим неодолимо тянет искупаться, и они отправляются на прием водных процедур.

На берегу Балтики летчик-испытатель, не найдя других тем для разговора, демонстрирует чекисту особенности своего телосложения. Повезло режиссеру, что дважды Герой Советского Союза генерал-майор Владимир Коккинаки, скончавшийся в 1985 году, не увидел такой трактовки его участия в подготовке бомбардировки Берлина. В противном случае Константин Буслов мог получить хорошо заметный на лице урок исторической правды.

Из 100 минут фильма абсолютно непонятно, за что летчики, во имя какой сверхзадачи идут на смертельный риск. Нет ощущения, что над страной, её гражданами нависла гибель. Выхолощено само время. В кабинетах нет ни одного портрета, ни одного плаката, не звучит тревожных августовских сводок Совинформбюро. Война проявляется только в легковесных батальных сценах, изложенных компьютерной графикой. А вне их всё тихо, чинно, лирично, а потому «Крылья» можно смело ставить в один ряд с «Девятаевым», «Зоей» и прочими военно-историческими изделиями российского кинематографа последнего времени.

Вторым критическим недостатком фильма является широкая, я бы даже сказал пугающая, неграмотность авторов ленты в технических и военных вопросах. Отсюда и обращение Семена Жаворонкова к экипажам бомбардировщиков «товарищи офицеры». Такое обращение к начальствующему составу Красной Армии и флота станет возможным лишь зимой 1943 года, когда вместе с погонами в РККА и РККФ вернется понятие «офицеры». С легкой руки сценариста генерал Жаворонков именуется летчиков еще и краснофлотцами. В 1941 году «краснофлотец» – низовое воинское звание, соответствующее современному «матрос».

Но это мелочи, вытекающие из общего непонимания темы, к которой авторы обратились. Ни один из актеров, изображающих на экране кадровых военных, таковыми, от генерала до борт-стрелка, не ощущаются. Форма для них – элемент чужеродный, понятие

профессионального этикета загоризонтное, поэтому один из главных героев позволяет себе отвечать на воинское приветствие, прикладывая правую руку к козырьку, не выпуская окурка, а командир экипажа заявляет борт-стрелку, что ему безразлично, погибнет подчиненный или нет.

Многие технические эпизоды в фильме поражают элементарной неграмотностью. Пилот не видит ничего опасного в том, чтобы тушить спичку в кабине бомбардировщика, пропитанного парами топлива. Самолет после неудачного взлета с горящими двигателями идет на вынужденную посадку, не сбросив трех 500-килограммовых бомб, которыми его вооружили. Такой вариант развития событий возможен лишь в том случае, если экипаж решил свести счеты с жизнью, и так, чтобы «не петлички, не лычки», а заодно уничтожить собственный аэродром.

Весьма оригинально авторы фильма представляют себе процесс торпедных авиационных атак – как тактику захода на цель, так и сброс боеприпаса. Самолеты идут в одну линию, торпеды срываются с креплений, подпрыгнув, скрываются под водой и направляются к целям. После таких прыжков торпеда того времени превратится в набитую взрывчаткой трубу, которая благополучно пойдет на дно.

Эпизод торпедной атаки летчиками полка плотно идущего каравана вражеских транспортов в фильме, конечно, смотрится зрелищно. Чудовищные ошибки в нём заметны ограниченному кругу специалистов. Еще, наверное, меньшему числу зрителей известно, что первую торпедную атаку летчики Балтийского флота провели в июле 1942 года, то есть через 11 месяцев после тех событий, о которых рассказывают «Крылья», однако всё-таки стоило, обращаясь к достаточно специфическим темам, консультироваться со специалистами.

Если бы речь шла об одной-двух технических ошибках, их стоило бы великодушно простить авторам фильма. Но когда несуразности, как в нашем случае, выстраиваются в широкую полосу невежества, то возникает настоятельная необходимость напомнить Константину Буслову и компании известную фразу покойного Михаила Жванецкого: «Тщательнее надо работать, тщательнее...»

Не смог режиссер фильма обойти устоявшуюся традицию современного российского кино о Великой Отечественной войне, требующую появления в качестве альтер эго настоящим героям зловещей фигуры чекиста. Правда, в «Крыльях» это уже не тот идиот

в фуражке с синим верхом, которого позволил себе Константин Буслов в «Калашникове», но также фигура малосимпатичная. По замыслу авторов фильма, высокопоставленный представитель Наркомата государственной безопасности товарищ Вересов почти интеллеktуал. Он даже советует военным обеспечить налет на Берлин необходимым запасом топлива и боеприпасов, а то ведь они привыкли летать «на честном слове и на одном крыле».

Авторов фильма обвиняют еще и в том, что они позволили себе сюжетные и тематические заимствования из известных советских лент о летчиках Великой Отечественной войны – «Торпедоносцы» и «В бой идут одни старики». На мой взгляд, учиться у мэтров просто необходимо. И лучше бы уж современные режиссеры опускались до откровенного плагиата, чем снимать, как в данном случае, что-то на тему о войне, да еще выпускать это нечто на широкий экран накануне Великого Дня Победы.

Мне же остается добавить, что членов экипажей, принимавших участие в налете на Германию в ночь с 7 на 8 августа, наградили орденами и медалями. Василий Гречишников, Андрей Ефремов, Михаил Плотников, Евгений Преображенский, Петр Хохлов стали Героями Советского Союза.

В финальных кадрах «Крыльев» генерал-лейтенант Семен Жаворонков, раздевшись, отправляется купаться в Балтийское море. Наверное, что этим хотел сказать режиссер, осталось загадкой...

Владимир СЛАБУКА